Вампир обратил внимание на ледяные копыя и тёмные болты, материализующиеся рядом с его противником. Земля под ногами Лита закружила вихрем, готовая поглотить любого врага.

«Нападай столько раз, сколько хочешь. Потребуется больше нескольких ударов, чтобы ранить меня, — у меня ещё много сил», — подумал Зарран, устремляясь вниз словно пуля.

Кровавое ядро усилило его новую форму до такой степени, что движения были едва ли различимы, даже для улучшенного зрения Лита.

Ключевое слово «едва ли».

Как только Зарран повернулся спиной к массиву, Лит развеял гексаграмму Сильвервинг. Его разум больше не нуждался в идеальной гармонии с каждым элементом, составляющим мировую энергию. Все его заклинания засияли с новой силой, словно в них хлынула вся сосредоточенность их хозяина. Песок взметнулся вверх, закрыв вампиру поле зрения и заставив его на долю секунды замедлиться из-за внезапного восходящего потока, накрывшего его крылья. Литу хватило этого мгновения, чтобы точно определить местоположение Заррана и применить Обмен. Он появился в воздухе, в то время как вампир импульсивно врезался в землю как метеор.

Оглушённый ударом, Зарран не успел среагировать на выпущенные в него со всех сторон «Шах и мат — Копья» и Чумные стрелы. Пока заклинания низкого уровня пробивали перепончатые крылья и опустошали жизненную силу вампира, Лит произнёс заклинание пятого уровня военного мага — «Погребение».

Несколько колонн вырвались из песка и окружили Заррана, пока он оставался оглушённым от многочисленных ранений. С каждой секундой колонны вздымались всё выше и выше, и из них во все стороны разлетались бесчисленные каменные шипы. Некоторые из них вонзались в вампира, а те шипы, которые сцеплялись друг с другом, образовывали новые колонны, которые, в свою очередь, порождали ещё больше шипов. Заклинание являлось эдаким гибридом магии земли и тьмы. Камень был проводником тёмной энергии, поэтому даже близкое нахождение рядом с ним истощало жизненные силы жертвы. Граф Ксольвер побледнел, молясь любому богу свыше или изнизу, чтобы тот сохранил жизнь чемпиона и его собственную.

Кэлан вскочил со своего кресла, ругаясь так, что любому боцману стало бы стыдно. К несчастью, лич не смог расслышать его за шумом собственного смеха. Весь двора Зари был поражён.

Бой длился меньше минуты. Человек, не достигший и полувека, победил вампира, который был вдвое старше его, с очевидной лёгкостью. Недостаточно быть Пробуждённым, чтобы объяснить, как жизнь того, кто потратил двадцать лет на освоение своих вампирических способностей, могла оборваться так быстро.

«С очевидной лёгкостью» — вот ключевые слова. За эту минуту Лит несколько раз использовал

Бодрость, безостановочно направляя столько маны, что его тело болело в тех местах, о которых он даже не подозревал. От ментального и физического напряжения, через которое он только что прошёл, у него разболелась голова. Тем не менее он невозмутимо вернулся на землю, нахмурившись, как серийный убийца в самом начале бойни.

«Мне наплевать, как бы близко ни находился сейчас Манохар. Я должен поспать хотя бы часик, иначе следующий раз, когда я использую Бодрость, может оказаться последним», — Лит с усмешкой посмотрел на толпу нежити.

Никто больше не улыбался.

— Отбросы женского и мужского пола, кем бы вы ни были, у нас есть победитель! — Инксиалот поднял руки, рассеивая барьер и даруя графу Ксольверу мучительную смерть от чёрного пламени неизвестной природы.

Едва лич поманил его пальцем, Кэлан устремился к нему через всю комнату, пока не оказался в центре.

— Сделка есть сделка. Теперь тебе лучше начать говорить, потому что если меня заставят задержаться здесь ещё хоть на минуту, то я сделаю всё, чтобы двор Ночи в Отре вымер.

Особняк Хесси. То же время.

Карпентеры уже не бросались вперёд, заметив, что ни одна из их атак или заклинаний не причиняет ущерба ни теневому монстру, ни его хозяину. Вампиризм Правителя смерти исцелял любые повреждения, нанесенные телу Манохара.

Он развеял Правителя смерти, как только освободил вокруг себя достаточно пространства, чтобы справиться с ближайшими врагами. Заклинание Балкора потребляло много маны, даже по меркам Безумного профессора, и не позволяло заклинателю создавать новые заклинания или даже использовать отложенные.

Несколько карпентеров выпустили по заклинанию четвёртого уровня, чтобы прикрыть продвижение своих товарищей, а те, кто находился в задних рядах, максимально использовали свои вихри и перегружали ядра маны. Если бы даже совместная атака провалилась, хозяин приказал им совершить самоубийственную атаку с целью похоронить Манохара под тоннами обломков. К счастью для профессора, Правитель смерти позволил ему сохранить и концентрацию, и заготовленные заклинания. Он произнёс следующее заклинание, одновременно активируя магию света пятого уровня «Поговори с моей рукой». Гигантские руки материализовались перед атакующими карпентерами, схватив и используя их в качестве живого щита против любого заклинания. Прежде чем враги среднего ряда успели реорганизоваться, руки из света сменили хватку. Теперь они держали пойманных существ за

ноги и замахивались ими на их товарищей, как боевыми булавами.

«Вот что я называю борьбой огня с огнём», — он внутренне рассмеялся.

Тем временем в тронном зале Хесси вернулась к своему истинному телу. Оно находилось в подвешенном состоянии в капсуле из металла, стекла и кристаллов маны, расположенной прямо за её королевским тронном. Тело плавало в фиолетовой жидкости, которая постоянно подавалась в капсулу через несколько трубок. Каждая трубка была соединена с одним из членов её двора, которые были точными копиями тела в капсуле. Она села на свой трон и активировала магию света пятого уровня «Течение жизни». Поток жизненной силы потёк от Хесси к телу в капсуле. После завершения переноса осталось лишь небольшое количество жизненной силы настоящей Хесси. Достаточной, чтобы поддерживать жизнь тела в вегетативном состоянии.

Труд[1] Грифон, дочь Артана Безумного короля, открыла свои серебряные глаза. Её тело вернулось к двадцатилетнему возрасту и достигло новой вершины. Она бесчисленное количество раз улучшала методику своего отца, но оставалось ещё так много проблем, подлежащих устранению, чтобы её можно было считать совершенной. Надменный двор Ночи предоставил ей средства для распространения своих щенков среди населения Отре. Всё, что ей нужно было сделать, это занять тело одного из их вассалов и использовать его в качестве подставного лица, чтобы представить на чёрном рынке новый вид алхимического наркотика. Это был замечательный наркотик, который давал великолепный кайф и не вызывал побочных реакций. Вот только это было не лекарство, а отвар от кашля, смешанный с несколькими её клетками. Их было достаточно, чтобы создать небольшой водоворот, который всасывал мировую энергию, вызывая чувство эйфории и могущества. Только у подходящих субъектов клетки могли развиваться и расти, пока не превращали свою жертву в клон Труд. Клоны были идеальными донорами, их жизненная сила и мана были идентичны её собственным.

Благодаря «ручному двору», хотя Труд ещё не разгадала секрет Пробуждения, она обрела не только вечную молодость, но и нечто большее.

[1] Отсылка на имя Труд, которое принадлежит дочери Тора и Сиф. Также это имя одной из валькирий в германо-скандинавской мифологии.